

Кадры из фильма «Кентавры». Президент — Д. Баниونيس

ЛЮДИ И КЕНТАВРЫ

НОВАЯ работа сценариста и режиссера Витавтаса Жалакявичуса «Кентавры»* — фильм-исследование нравственной, точнее — безнравственной природы фашизма, фильм-предупреждение. Фильм, где художник остается последовательно верным своим принципам и пристрастиям.

Когда пять с половиной лет назад на экранах мира проходили премьеры картины Жалакявичуса «Это сладкое слово — свобода!», свершился переворот в Чили. Народное правительство Альенде оказалось свергнутым, к власти пришла фашистская хунта Пиночета. Страна, где Жалакявичус и его съемочная группа дважды были в киноэкспедиции, снимая «Сладкое слово...», обогрилась кровью патриотов.

Трагедия чилийского народа нашла свое отражение в целом ряде гневных, исполненных идеи гуманизма произведений, сделанных кинематографистами чилийского Сопротивления, Колумбии, Англии, Швеции, ГДР, США... Уроки чилийской революции, ее победы и поражение осмыслились и нашей кинопублистикой, художественным кинематографом, театральной сценой. При постановке своего нового фильма Жалакявичус, художник аналитического склада, отказавшись от точной реконструкции фактов, стремился выйти на иной уровень исследования материала, выразить личное, но не субъективистское отношение к таким проблемам, как народ и революция, справедливость и власть, верность долгу и предательство.

Как и в «Сладком слове...», место действия «Кентавров» не названо, это — латиноамериканский регион, главного героя именуют по занимаемой должности — Президент, хотя и многие произносимые им с экрана слова напрямую соотносятся с речами и выступлениями убитого фашистами главы чилийского государства. Жалакявичус имел право сказать, что при работе над фильмом его вдохновляло не только чувство гражданского негодования, страсть публицистического изобличения, но и незабываемые встречи с далекой чилийской землей, соприкосновение с ее первозданностью. «Порой это нечто неуловимое. Какое-то воспоминание — свежий воздух... взгляд... цвет глаз... Сейчас даже трудно все это вспомнить, почувствовать». Фильм «Кентавры», при обжигающей трагичности сюжета, наполнен поэтическими микродетальми, будто ненамером замеченными кинокамерой, — белесоватым небесным сводом, густой синевой океана, невозмутимостью каменных предгорий. И тут же, в кадре, чей-то щемящий или внимательный взгляд, чья-то ободряющая улыбка, чье-то мимолетно обозначенное ожидание или вороватая торопливость.

Стилистика хроники отогревается теплом человеческих отношений, аскетическая конструкция фильма одушевляется реалиями полнокровного сиюминутного бытия.

Итак, Жалакявичус принял попытку сделать своеобразный политический фильм; он, как художник, метафорически формулирующий реальность, сочетал

Кино О НОВОМ ФИЛЬМЕ В. ЖАЛАКЯВИЧУСА

летопись истории с авторским домислом. При этом важно, что режиссер не возвышает своей позиции автора над трагическими событиями повествования, над сомнениями и ошибками героев. Жалакявичус не судит, а исследует.

Президенту, которого играет давний соратник Жалакявичуса Д. Баниونيس, три года уготовано управлять страной, проголосовавшей за него на выборах. Три года борьбы и тревог. «Впервые в истории социальная революция начинается мирным путем». Давая интервью некоему мексиканскому журналисту, а этим элизодом открывается фильм, Президент — Баниونيس исполнен неподдельного оптимизма, энергии, лицо его не скрывает радости. Но уже второе интервью (оно идет следующей монтажной фразой) звучит заметно сдержаннее: «Строить новое общество — большая и нелегкая задача...»

Несмотря на усилия Президента и его сторонников, всячески стремившихся вывести страну из кризиса, облегчить положение народа, внутриполитическая ситуация катастрофически обостряется. Правые силы терроризируют население, сеют панику и страх, деморализуют волю неспособных к сопротивлению. Показателен эпизод, когда Президент и его ближайшее окружение смотрят во дворце текущую кинохронику: на экране свидетельства активизации правых сил, направленных на подрыв республиканского строя. Предчувствие неотвратимой огромной беды рождает эти кинодокументы.

Герой Баниониса не только штатский человек, врач по образованию, он еще гуманист в самом точном понимании этого слова. И если тактика Президента — выжидание, отсрочка открытого столкновения до тех пор, пока народный референдум не предоставит ему чрезвычайных полномочий, то стратегия этого человека — основание общества по законам разума, вера в человеческую справедливость.

В последнюю ночь перед переворотом, когда стало известно, что армейская верхушка стягивает к столице войска, Президент отклоняет предложение верной ему национальной гвардии обезвредить заговор. Банионис точно передает психологическое состояние своего героя, который, несмотря ни на что, напоминает коллегам, что рабочий день начнется, как обычно, в семь тридцать утра.

Но утро оказалось не рабочим. Дворец окружили мятежные войска.

Осада президентского дворца не только зрелищно динамична, документально впечатляюща. Эти эпизоды фильма концентрируют его нравственную атмосферу. Человек сделал выбор. Он оказался перед лицом главного жизненного испытания. Президент стал солдатом, порежая из гранатомета вражеский танк. Он погиб непобежденным, и кинокамера показала нам его последний портрет: Президент, в трехцветной ленте республики, сидит за рабочим столом, положив

перед собой обожженные порохом руки. Оборона дворца горсткой смельчаков была безумием в глазах главаря хунты генерала Пина (артист Е. Лебедев), вчерашнего специалиста по военной топографии, а ныне палача республики. Но дворец, откуда отстреливались его защитники, являлся символом сопротивления, взывал о будущем возмездии.

Жалакявичус настойчив в повторении своего кредо: драмы эпохи делают каждого ответственным за беды людей. Причем масштаб художественного исследования этого гражданского предзнаменения человека последовательно увеличивался Жалакявичусом из фильма в фильм. От анализа единичного случая в «Хронике одного дня», через драматическое повествование о судьбе послевоенной литовской деревни в «Никто не хотел умирать», к размышлениям о судьбах современной революции в «Сладком слове...» и «Кентаврах». Персонажи Жалакявичуса проходили через горнило исторических драм, являясь в итоге нравственно преображенными или, напротив, духовно оскудевшими, отягощенными бременем постыдного выбора.

Пришел умирать вместе с Президентом его верный друг, тоже бывший врач, Орландо (Р. Адомайтис) — сама решительность, незамедлительное действие. Орландо, только что занимавший пост директора бюро расследований, предает забвению свои тактические разногласия с Президентом, чтобы сражаться с ним бок о бок. Умер на своем посту Эваристо (М. Волонтир), лучший из помощников Орландо.

Но, помимо этих героических характеров, есть в фильме оборотни, кентавры. Первый смысловой ряд этого слова — кодовое название, операция по свержению Президента, разработанной агентами ЦРУ. Второй смысл метафоричен: кентавры — это ничтожество вроде генерала Пина или нового директора бюро расследований предателя Андреаса (В. Гафт), люди с двойным дном, грязные политики, подпольно направлявшие контрреволюцию. На стороне кентавров — военная сила, зато нет нравственной правды. Кентавры осуждены историей.

Новая работа Жалакявичуса — преимущественно «мужской фильм». Центральные роли исполняют актеры, хорошо знакомые режиссеру, обязанные ему основной заданностью творчества, актеры-соратники, способные акцентировать именно те моменты, которые особенно четко проясняют авторский замысел. Целостный актерский ансамбль — одно из качеств высокопрофессиональной режиссуры Жалакявичуса.

В «Кентаврах» органично слились историческая конкретность и авторское восприятие политического климата эпохи, представление о возможностях личности, поставленной на грань последнего, самого важного выбора — остаться или не остаться Человеком.

Ю. ТЮРИН

* Производство киностудий «Мосфильм» (СССР), «Магнум» (ВНР), «Баррандов» (ЧССР) при участии студии «Динпро» (Колумбия).